

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470)14/19

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Становление университетского образования в России

Рассматривается процесс становления в XVIII в. двух первых российских университетов – Санкт-Петербургского и Московского, их правовой статус, организация учебно-методической и научной работы, социальный состав профессоров и студентов, культура межличностных отношений.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, Московский университет, Академия наук, гимназия, устав, профессор, студент.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

University Education Formation in Russia

In the article is regarded the formation process of two prime Russian Universities in XVIII century – St.-Petersburg University and Moscow University, their legal status, organization of educational-methodical and scientific work, social membership of professors and students, culture of interpersonal relations.

Keywords: St.-Petersburg University, Moscow University, Academy of Sciences, a gymnasium, a charter, a professor, a student.

Публикация, предлагаемая вашему вниманию, открывает серию очерков, посвященных истории университетов в императорской России. Многие годы занимаясь теоретико-методологическими принципами высшего исторического образования в рубежную эпоху XIX–XX вв. [1], мы осознали необходимость в более подробном изучении культурно-исторической среды, формировавшей убеждения, взгляды, идеи, привычки, сознание выдающихся отечественных историков той эпохи. Сделать это без освещения истории российских университетов (их правового статуса, учебно-методического пространства, атмосферы научного творчества, культуры межличностных отношений) не представляется возможным.

XVIII век открыл не только эпоху европейского Просвещения. Он стал началом становления российской системы образования, создания первых университетов, заложивших теоретический и практический фундамент отечественной академической науки и народного просвещения.

История российских университетов тесно связана со всей культурной жизнью, со всей историей нашего Отечества вообще. Прямо или косвенно университеты участвовали в наиболее важных

явлениях общественной и государственной жизни России, действуя как «рассадники науки», образовательные и культурные центры, хранилища умственной свободы, и через своих воспитанников распространяя новейшие знания, передовые идеи, прогрессивные взгляды, обновленческие настроения. Вместе с тем исторические события, как российского, так и мирового масштаба, наряду с новыми общественно-политическими явлениями, оказывали, в свою очередь, обратное воздействие на университеты, стимулируя или, напротив, сдерживая их деятельность. Перемены, происходящие в жизни российского общества и государства, непосредственно отражались на университетах: на отношении к ним правительства, на изменениях в университетских уставах, на фактическом положении субъектов образовательной деятельности. Таким образом, составляя органичную часть российской истории, университеты и сами изменяли культурно-историческую среду, и одновременно подвергались сильному влиянию реалий русской жизни.

В истории российских университетов можно выделить несколько периодов, хронологически совпадающих с эпохами правления русских вен-

ценосцев из династии Романовых. Перемены, охватывавшие Российскую империю при Петре I, Елизавете Петровне, Александре I, Николае I, Александре II, Александре III, находили свои проявления и в жизни главных центров российской науки и просвещения. В них менялись уставы, предопределявшие административный регламент, дисциплинарный режим, правовые нормы функционирования корпораций профессоров и студентов, а вслед за ними претерпевал эволюцию и весь предшествовавший уклад организационной, учебной и научной работы, все более отдалявшийся от европейских прототипов, искусственно перенесенных в XVIII в. на российскую почву.

Первый период в истории российских университетов был связан с существованием старейших в России центров высшего образования – Академическим университетом в С.-Петербурге и Московским университетом. С издания в 1804 г. уставов трех университетов: Московского, Харьковского и Казанского – начался второй период в их жизни, продлившийся до появления нового университетского устава в 1835 г. Третий период, 1835–1863 гг., охватывает эпоху Николая I и начало царствования Александра II, четвертый – ограничивается 1863–1884 гг.; пятый, завершающий, знаменует жизнь университетов на рубеже XIX–XX вв., в преддверии Октябрьского вооруженного переворота, прервавшего их существование в условиях российского самодержавия.

Флагманом высшего образования в России стал Петербургский университет, учрежденный 28 января 1724 г. одновременно с Академией наук именным указом Петра I. Петербургская Академия наук, создававшаяся амбициозным императором «для славы среди иностранцев» [2], была призвана стать еще и «обществом ученых людей, которые бы трудились над усовершенствованием искусств и наук» [3], то есть ей предназначалась роль первого в России центра высшего образования. Сосредоточив свои замыслы в сфере образовательной политики на создании специальных училищ и профессиональных школ, Пётр I был вынужден при открытии первого университета в России руководствоваться советами европейских ученых и просветителей, которые порекомендовали ему основать при Академии наук университет, а при университете – гимназию.

Учреждение Академии и университета, независимых друг от друга, было делом бесполезным и бессмысленным, во-первых, потому, что русское общество начала XVIII в. наиболее остро ощущало потребность в элементарном, а не высшем об-

разовании, что заставляло воспринимать саму идею университетского образования недоверчиво и равнодушно; во-вторых, в России не было ни своих научных кадров, способных организовать учебный процесс, ни достаточного количества слушателей, готовых предпочесть дворянские профессиональные школы или иностранные частные пансионы одному лишь научному университетскому образованию, не сулившему никаких практических выгод.

Эти причины и предопределили превращение Академии наук из учреждения чисто научного в научно-учебное. Объединив Академию, университет и гимназию в одном здании [3], Пётр I в то же время функционально разделял сообщество ученых Академии и профессоров. Он полагал, что «университет есть собрание ученых, которые наукам высоким... молодых людей обучают; академия же есть собрание ученых... которые не токмо сие науки... знают, но и ... умножать тщатся, а об обучении прочих никакого попечения не имеют...» [5] Таким образом, государь, испытывая нескрываемое уважение к представителям интеллектуального труда, освободил «жрецов науки» от необходимости участвовать в образовательном процессе, видимо полагая, что научная деятельность способна занимать без остатка все силы, все время, всю жизнь ученых. Вместе с тем академики не были лишены самого права осуществлять наставническую деятельность. Они могли привлекать наиболее прилежных студентов Академического университета – так в современных исследованиях называется высшее учебное заведение при Академии наук, созданное Петром Великим, – к совместным научным изысканиям, создавая своего рода научные школы (§ 18). Всех прочих студентов, овладевших лишь «фундаментом наук», предлагалось прикреплять к профессорам, чтобы после завершения процесса обучения направлять их учительствовать в «нижние школы» (§ 18).

В Уставе Академии, разработанном Петром I, перечислялись обязанности сообщества ученых. Они должны были «науки производить» (§ 19), читать публичные «наставления» – лекции (§ 16), заботиться о распространении в народе научных знаний (§ 1). Чтобы «ученые люди» ни в чем не испытывали нужды, император назначал им в помощь своих доверенных людей – кураторов, которым следовало удовлетворять все прихоти ученых и создавать самые благоприятные условия для их труда (§ 19).

Науки, изучавшиеся в Академическом университете, император разделил на три класса:

1) математические (низшая и высшая математика, астрономия, география, механика, навигация) (§ 1,8); 2) физические (теоретическая и экспериментальная физика, химия, ботаника, биология) (§ 9); 3) исторические (элоквенция – риторика, древняя и новая история, естественное и публичное право, политика, этика) (§ 9).

Содержание публичных лекций, которые обязаны были читать профессора ради просвещения русского народа, определялось их интересами и не имело своей целью систематического изложения какой-либо отрасли науки. Посещать лекции могли все желающие, как русские, так и иностранные подданные. Однако и чтение публичных лекций, и сам процесс обучения осуществлялись на международном научном языке того времени – языке великой римской культуры – латыни. Это не только сокращало число потенциальных слушателей лекций ученых, но и являлось непреодолимой преградой для всех стремившихся обучаться в Академическом университете. Среди немногочисленных выпускников открытых Петром I светских школ профессионально-сословной направленности (к примеру, Артиллерийской школы и Инженерного шляхетного корпуса) трудно было найти желающих приобщиться к элитарной культуре университета. Представители самого привилегированного в царской России дворянского сословия, для которых эти школы и были преимущественно созданы, выбирали военные или военноморские учебные заведения не случайно. Обучение в них позволяло дворянству не только исполнить свою повинность перед государством, но и обеспечить будущую служебную карьеру, быстрое продвижение по лестнице чиновничьей иерархии без всякого дополнительного научного образования. Поэтому пополнить контингент слушателей Академического университета выходцами из дворянского сословия не представлялось возможным.

Для обеспечения набора универсантов при Академии наук по распоряжению Петра I учреждалась гимназия (§ 13), состоявшая из пяти классов. В ней должны были преподаваться классические и европейские языки, арифметика, основы математики, история и география [6]. Кроме того, из первого высшего общеобразовательного учреждения Москвы – Славяно-греко-латинской академии, основанной в конце XVII в., и из других учебных заведений духовной направленности, где в программу обучения входили латинский и церковно-славянский языки, время от времени набирались учащиеся и для обучения в Академической гимназии, и для поступления в Академический

университет. Однако эти «вливания» коренным образом не меняли ситуацию с контингентом слушателей в университете, поэтому начавшиеся в 1726 г. занятия велись крайне нерегулярно. На семнадцать профессоров, «выписанных» преимущественно из Германии, сначала приходилось всего восемь студентов [7], которые также были присланы из Германии. В 1732 г. занятия были прекращены из-за отсутствия универсантов и возобновлены лишь спустя десять лет, когда к двенадцати профессорам удалось набрать двенадцать студентов – выпускников духовных училищ.

Ситуация с набором учащихся в гимназию, от успеха работы которой напрямую зависела жизнедеятельность Академического университета, временно улучшилась лишь после утверждения в 1747 г. первого академического «Регламента». Он открывал доступ в университет лицам всех сословий, за исключением крепостных крестьян. Для привлечения в университет детей разночинцев, служителей культа, купцов «Регламент» гарантировал всем, успешно завершившим курс обучения, присвоение личного дворянства, обеспечение обер-офицерским чином (включая капитанское звание) или соответствовавшим ему чином гражданской службы [8]. Заманчивым становилось и прохождение обучения в Академической гимназии: двадцать ее слушателей, составлявших весь академический поток, объявили «казеннокоштными, то есть находившимися на государственном обеспечении и получавшими стипендию за свою образовательную деятельность» [9].

Когда в 1760 г. руководство Академическим университетом и гимназией было передано М. В. Ломоносову, количество государственных стипендиатов возросло, был увеличен объем финансирования, дворянские привилегии профессоров и выпускников университета получили закрепленные законом гарантии. Эти неотложно проведенные меры способствовали поднятию статуса Академического университета и росту значения университетского образования. М. В. Ломоносов добился также важных организационных перемен – разделения университета на три факультета: юридический, философский и медицинский – с сосредоточением процесса управления просвещением в российской столице в Академии наук как единственном в империи научном центре.

Однако противоречия М. В. Ломоносова с академическим начальством по вопросу о подготовке научных кадров, разногласия с зарубежной профессурой, чуждой нужд отечественного образования, не позволили ему довести начатую работу по

усовершенствованию организационной и учебной деятельности Академического университета до конца.

В 1766 г. он был вновь закрыт по причине отсутствия слушателей и к концу XVIII в. прекратил свое существование [10]. Надежды М. В. Ломоносова на то, что Академический университет мог бы дать за сорок лет своего существования не менее двухсот докторов, аптекарей, юристов, механиков, не оправдались [11]. Опыт соединения в одном учреждении гимназии, университета и Академии наук [12] тоже оказался мало удачным: и Академическая гимназия, и Академический университет могли действовать только благодаря искусственным мерам – «вербовке» казенных студентов.

Но дело, начатое великим русским ученым в столице Российской империи, не пропало даром. Наплыв с запада новых культурных идей, необходимость разобраться в глубоких впечатлениях великой эпохи преобразований и осмыслить их сделали передовое русское общество более чутким к вопросам образования [13]. Для самого М. В. Ломоносова усилия, направленные на налаживание работы Академического университета и гимназии, явились своего рода подготовительным этапом к борьбе за создание Московского университета. Замыслы ученого, которые он безуспешно пытался осуществить в С.-Петербурге, были реализованы им при создании университета в Москве.

Указ об основании Московского университета был подписан императрицей Елизаветой Петровной 12(25) января 1755 г. на основании «доношения в Сенат», составленного фаворитом царицы графом И. И. Шуваловым совместно с М. В. Ломоносовым [14]. В «доношении» указывались причины, благоприятствовавшие учреждению университета именно в Москве [15]. В отличие от С.-Петербурга, Москва, сыгравшая роль инициатора объединения русского народа в единое государство, сохраняла и в дальнейшем свое значение центра всей России. Она была сердцем Русского государства, вокруг которого сосредоточивались наиболее населенные, экономически и культурно развитые области нашей страны. В Москве проживало немало дворян и разночинцев, способных пополнить ряды универсантов, а также помещиков, нуждавшихся в домашних учителях для своих детей. И. И. Шувалов обратил внимание в своем «доношении» и на тот немаловажный факт, что в Москве имеются благоприятные условия «к содержанию» учащейся молодежи, которые будут наиболее активно востребованы теми ее слоями,

кто не мог рассчитывать на «обилие родства и знакомых» в древней российской столице.

Все эти обстоятельства и были учтены императрицей Елизаветой, которая в глазах просвещенных европейских монархов хотела выглядеть мудрой наследницей Петра Великого и продолжательницей петровских преобразований. Подчеркивая свою осведомленность в наиболее популярных философских учениях, возрождавших в XVIII в. фундаментальные достижения античной мудрости, Елизавета Петровна с готовностью утверждала, что «всякое добро происходит от просвещенного разума, а... зло искореняется». Императрица благоволила дать свое особое покровительство Московскому университету и обещала способствовать распространению «всего собрания потребных в жизни человеческой наук, всего круга просвещающего разум знания... в пространной нашей Империи» [16].

Нетрудно заметить, что, как и в случае с Академическим университетом в С.-Петербурге, Московский университет учреждался Высочайшим указом царствующей особы, и главной целью его создания провозглашались государственные интересы. В этом казенном, искусственном формате их возникновения заключается главное отличие флагманов высшего образования в России от западноевропейских прототипов, заявивших о своем существовании еще в эпоху Средневековья.

Средневековые университеты были «продуктом европейской христианизированной античной традиции» [17]. Став центрами интеллектуальной жизни ряда европейских стран, они оказались в авангарде их общественного и культурного прогресса, превратились в ведущие показатели уровня цивилизованности тех народов, которые осознали значение образования для своего дальнейшего культурно-исторического развития. Главным стимулом их создания было желание постигать новое, узнавать неизвестное, то есть учебные и научные интересы людей. В каждом конкретном случае университеты спонтанно и естественно удовлетворяли возникавшие запросы общества, его наиболее образованной части – тех, кто хотел и умел учиться, и тех, кто владел способностью учить, – сообщества студентов и профессоров, обладавшего некоторой автономией внутри городской социальной организации [18]. Государи, князья, городские магистраты соревновались друг с другом за честь открытия и поддержки университетов, которые при этом им ничем не были обязаны [19].

В России, в первой половине XVIII в. заявившей о своем желании открыть университеты наподобие западноевропейских, генезис высшего образования зависел не только от естественного и объективного развития культуры, науки и хозяйственной жизни, так как история российского просвещения и учебного дела чаще всего детерминировалась не одними лишь внутренними потребностями страны – личные качества Августейших особ и их приближенных играли едва ли не первенствующую роль в истории российского народного образования. Так, анализируя европейский опыт, Пётр I «учинил Академию и университет» [20], но они не стали вольными сообществами ученых, как в европейских странах, хотя именно их образцы вдохновили преклонявшегося перед зарубежной ученостью самодержца к учреждению на русской земле этих «рассадников наук». «Смотря на состояние здешнего государства» [21], Пётр I приспособил имевшиеся у него сведения о передовых европейских университетах к государственным потребностям и состоянию образованности в России начала XVIII в. Потому-то и Академия, и университет были воздвигнуты им исключительно на благо государства: ради будущей славы Российской империи, проистекавшей от сохранения и приумножения наук [22]. Эти главные российские научные центры стали инструментом для решения государственных проблем и ликвидации отставания России от стран Запада.

Начиная с Петра I, в России распространился взгляд на университетское образование как на государственное дело, осуществлявшееся за счет казенных средств, в интересах процветания государства, ради удовлетворения государственных потребностей. Не случайно университетские уставы и регламенты исходили от первого лица Российской монархии, университеты подчинялись представителям императорской администрации и Сенату, проводили в жизнь официальную идеологию, коррелировали свою образовательную деятельность с главными направлениями внутренней и внешней политики Российской империи. Постепенно за университетами России закрепилась главная цель – «доставление» чиновников для нужд государства [23].

Сословный дух, пронизывавший все общественное устройство России, привычка ценить образование за его практическую пользу наложили отпечаток и на всю систему народного просвещения, возникшую при Елизавете Петровне [24], в том числе и на Московский университет.

Устав Московского университета был составлен по образцу тогдашних немецких университетов, которые в большей степени, чем французские и английские, сохранили преемственность со своими антично-средневековыми первообразами [25], поэтому нам было бы небезынтересно познакомиться с их организационными и образовательными устоями.

К середине XVIII в. немецкие университеты превратились в государственные учреждения: государство их основывало, содержало, контролировало их деятельность. Однако, получив в наследие черты прежнего корпоративного строя, университеты сами избирали свое правление: ректора, сенат, деканов; им принадлежало право осуществлять процесс замещения вакантных должностей, проводя испытания на соискание докторской степени и утверждая в штатное расписание помощников профессоров в преподавательской деятельности – приват-доцентов.

Главой германского университета был ректор, ежегодно избиравшийся общим собранием ординарных профессоров и представлявший свое учебное заведение перед немецким народом и государством. Ему были подчинены низшие служащие, он определял финансовые возможности университета, надзирал за студенческими собраниями, заведовал дисциплинарным судом над студентами, председательствовал в сенате. Сенат, состоявший из ректора, выборных ординарных профессоров, деканов, университетского судьи, осуществлял общее управление университетом. Перед каждым семестром сенат определял предметы изучения, распределял их между профессорами, утверждал часы их занятий, о чем каждый профессор уже самостоятельно уведомлял афишей своих слушателей.

Весь строй четырех факультетов был основан на выборном начале и самоуправлении. Факультеты сами организовывали весь процесс преподавания, контролировали учебную и научную деятельность студентов, надзирали за их нравственным обликом, распределяли стипендии, проводя требовавшиеся для этой цели испытания, назначали темы для соискания премий и вручали их.

В немецком университете студенты имели возможность получить разностороннее и основательное «профессионально-научное образование», направленное на подготовку «ученых специалистов»: священников, судей, высших чиновников, администраторов, врачей, учителей гимназий. Вместе с тем университет одновременно служил и «лабораторией научного исследования» – это был

центр научной деятельности, поэтому каждый работавший там профессор совмещал научную и учебную деятельность. Главное место в работе университета занимала не подготовка студентов к выполнению профессиональных обязанностей, а научные исследования преподавателей и студентов (этим немецкие университеты отличались от французских и английских высших учебных заведений).

В немецком университете не существовало учебных программ. Здесь «наука была свободна, методы свободны, выбор предмета свободен, профессор свободен и даже студент свободен» [26]. Студент самостоятельно выбирал себе науку, преподавателя, план занятий, лекции, которые он желал слушать, и работы, которые хотел бы выполнить. Основная цель преподавания заключалась в том, чтобы научить учащегося думать, осуществлять научные исследования, проверять правильность полученных результатов.

Студенты зачислялись в университет без экзаменов на основании аттестата зрелости, полученного в гимназии. Срок обучения в университете составлял от трех до четырех с половиной лет. Методика обучения заключалась в соединении лекционных занятий, преобладавших в первых семестрах, с семинариями – практическими занятиями, на которых преподаватели знакомили студентов с важнейшими достижениями в выбранной ими сфере научной деятельности и активно приобщали к научным исследованиям. Результаты процесса обучения демонстрировали академические и государственные экзамены.

Таким образом, немецкий университет как учебно-воспитательное учреждение с юридической точки зрения был включен в общую систему управления народным образованием Германии, но занимал в ней особое, практически исключительное положение. Он пользовался «такой независимостью и самостоятельностью, какими не обладали никакие государственные учреждения» [27]. Государственный надзор за преподавателями почти отсутствовал, а от средневекового корпоративного самоуправления сохранились наиболее существенные черты: свобода выбора академического начальства и самоуправление.

Уставы университетов Германии обладали большой притягательной силой для тех отечественных ученых, которым посчастливилось воочию познакомиться с их корпоративным устройством и организацией учебного процесса. Среди таких ученых был и М. В. Ломоносов, для которого примером университетской жизни служил Лей-

денский университет. Устав Лейденского университета был взят им за основу при разработке проекта устава Московского университета, а графу И. И. Уварову удалось убедить императрицу Елизавету Петровну в своевременности открытия еще одного университетского центра.

Действительному камергеру и кавалеру И. И. Шувалову, который официально считается автором устава Московского университета, принадлежит честь воплотить в жизнь мечты и планы М. В. Ломоносова – «фактического инициатора и вдохновителя» идеи появления университета именно в Москве, создателя детальной программы его деятельности, истинного организатора его «внутренней структуры и постановки дела преподавания» [28].

Из первых параграфов Московского университета, состоявшего из сорока пяти позиций [29], следует, что это учебное заведение получило от императрицы многочисленные привилегии и такие широкие полномочия, которые должны были позволить ему занять совершенно особое положение в системе отечественного просвещения и превратить его в подлинный центр национальной науки и культуры.

Московский университет был поставлен в независимость от всех «присутствующих мест» и властей, кроме «правительствующего Сената», которому он подчинялся непосредственно (§ 2. 2). В университете учреждался собственный суд, полномочия которого простирались и на преподавателей, и на студентов (§ 2. 3). Университет передавался в ведение одного или двух кураторов, назначавшихся верховной властью из вельмож, которым предписывалось быть заступниками и ходатаями о нуждах университета перед престолом (§ 2. 1). Все «принадлежащие к университету члены» освобождались от постоев, полицейских повинностей, от вычетов из жалованья и всяких других государственных сборов (§ 2.4).

Управление делами университета предоставлялось директору, назначавшемуся правительством. Директор распоряжался доходами университета, следил за соблюдением установленного порядка, вел переписку с Сенатом, предоставлял отчеты куратору (§ 3). Он возглавлял еженедельные конференции профессоров, обсуждавших проблемы преподавания и поведения студентов (§ 7). Ему предоставлялись права зачислять студентов в университет после вступительных экзаменов, знакомить их с «порядком учения» и распределять между профессорами, учитывая природные склонности и намерения абитуриента (§ 23).

В учебном отношении университет делился на три факультета: философский, юридический и медицинский (§ 4), на которые зачисляли десять штатных профессоров (§ 5). Профессора читали лекции пять дней в неделю (§ 6), при этом они не имели права преподавать свой предмет по авторской методике или произвольно выбранному учебному руководству. «Каждый повинен последовать тому порядку и тем авторам, которые ему профессорским собранием и от кураторов предписаны будут» (§ 8). От профессора требовали также регулярных бесплатных выступлений с публичными лекциями (§ 6). В зависимости от своей национальности профессор мог выбрать язык преподавания: латинский или русский (§ 9). В конце каждого месяца профессор должен был организовать диспут по своему предмету, предварительно выдав студентам тезисы для обсуждения (§ 13). Перед наступлением зимних «ваканций» (с 18 декабря по 6 января) и в преддверии летних «ваканций» (с 10 июня по 1 июля) ему вменялось в обязанность провести публичные диспуты с приглашением «любителей наук» (§ 10–12, 14). Ежедневно по субботам профессор должен был присутствовать на конференции, где под предводительством директора он отчитывался об итогах изучения своей дисциплины, вносил предложения, направленные на усовершенствование учебного процесса, рассматривал дела, касавшиеся студентов (§ 7).

Кроме обязанностей профессоров, устав Московского университета содержал сведения об их правах. Им разрешалось «давать уроки», то есть проводить консультации за умеренную плату (§ 6), распределять свои занятия по полугодиям, вывешивать объявления, или «каталоги», о времени проведения лекций, организовывать свой отпуск в соответствии с «ваканциями» студентов (§ 10–12).

Желавшие слушать лекции в университете принимались в состав студентов после вступительного экзамена (§ 23). Поведение студентов подчинялось особым правилам, соблюдать которые они обязывались выполнять, давая об этом соответствующую расписку в университетской книге (§ 25).

Символом студента университета была шпага (§ 23), так как три года, посвященные изучению «вышних наук» (§ 22, 23), включались в дворянскую выслугу лет. Шпага свидетельствовала о том, что обучение является своего рода службой. Студенты знали, что по окончании университета они получают обер-офицерский чин и будут иметь преимущества перед сверстниками, не получив-

шими высшего образования, при определении на службу [30].

За время обучения в университете студента нельзя было против его воли «от наук отлучать и к службе... принуждать» (§ 22).

Лучшие студенты получали золотые и серебряные медали за сочинения, написанные ими на заданные темы (§ 15–21). Награждения производились на торжественных актах с присутствием «знатных персон и охотников до наук» (§ 15–21). Окончившим университетский курс студентам выдавались за подписями директора и всех профессоров аттестаты, по которым они могли определиться прямо на гражданскую службу, получая преимущества перед прочими сослуживцами (§ 15–21).

В административном отношении студенты, как и профессора, подчинялись университетскому суду, имевшему право наказывать за «дерзость и беспорядки» штрафом, размер которого зависел от тяжести совершенного проступка (§ 27).

В связи с тем, что в середине XVIII в. в России не было низших и средних учебных заведений, университету самому было необходимо обеспечить подготовку новых слушателей, которыми становились выпускники двух гимназий [31], состоявших в его ведении и неразрывно с ним связанных (§ 28–38). Программа обучения одной из этих гимназий была ориентирована на образование детей дворян, другой – на приобщение к знаниям детей разночинцев. В гимназию и университет нельзя было принимать крепостных крестьян (§ 26). Вместе с тем и выпускник университета родом из бывших крепостных, получивший от своего господина «письменное увольнение» и средства, необходимые для усвоения «свободных наук», не мог быть вновь обращен в «холопство» (§ 27) – его следовало определить на «службу Государеву» (§ 27).

Обучение в университете детей дворян и разночинцев, окончивших гимназии, происходило совместно, чтобы и тем, и другим «дать поощрение к прилежному учению» (§ 39).

Итак, устав 1755 г. предоставлял Московскому университету широкую автономию. Среди прочих государственных учреждений России ему отводилось почетное место; его окружили особыми заботами, даровали немало привилегий. Однако пройдет еще немало лет, прежде чем Московский университет «из учреждения полуиностранного, искусственно привитого к русской жизни, станет учреждением национальным... органической частью всего отеческого строя...» [32]

Пока же, в момент открытия Московского университета, его широкие преимущества и привилегии могли оценить в основном преподаватели иноземного происхождения. Иностранцы, главным образом выходцы из Германии, соглашались поступать на службу в Московский университет исключительно ради материальных выгод и тех социальных гарантий, которые им были недоступны у себя на родине. Они не знали русской жизни, не были связаны нравственными интересами с русским обществом. Именно эти обстоятельства и заставили императрицу Елизавету Петровну вручить бразды правления университетом директору, назначавшемуся правительством [33], который вскоре превратился в полновластного хозяина этого учебного заведения.

Директор не имел никакого отношения ни к науке, ни к процессу преподавания – он был ставленником царского двора, чиновником-администратором в высоком чине по Табели о рангах, получавшим жалованье, в два-три раза превышавшее заработок профессоров. При возникновении проблем в управлении университетом или спорных ситуаций он всегда мог обратиться к кураторам, которые «весь корпус в своем смотре имели и о случающихся его нуждах докладывали Его Императорскому Величеству» (§ 2.1). Постепенно кураторы превратились в грозных администраторов. В их рядах оказались сосредоточенными такие полномочия, как определение сметы и сроков ремонта учебных помещений, установление размеров жалованья профессорам и студентам, составление расписания занятий, приобретение книг, учебного инвентаря, информирование о публичных речах преподавателей [34]. Кроме того, кураторы имели право вносить в Сенат инструкции, определявшие нормы поведения профессоров, а также законы, обязательные для исполнения студентами и гимназистами [35].

Работу кураторов пронизывал бюрократический стиль управления. Преподавателям нередко приходилось месяцами ждать вердикта кураторов на их просьбы о приобретении книг, материалов, приборов для проведения занятий. Не случайно поэтому в протоколах университетских конференций, руководивших учебным процессом, зафиксированы жалобы на нерасторопность нерадивых кураторов [36].

Опека со стороны директора и кураторов не позволили М. В. Ломоносову, инициативность и настойчивость которого способствовали открытию Московского университета, перенести на русскую землю модель функционирования Лейден-

ского университета, который был для него образцом свободы преподавания, доступности просвещения для всех слоев общества [37].

И все же благодаря энергичным усилиям М. В. Ломоносова многие его идеи и советы были приняты к рассмотрению и реализованы при организации учебной и научной деятельности Московского университета.

В соответствии с проектом М. В. Ломоносова, Московский университет в XVIII в. состоял из трех факультетов или отделений: философского, юридического и медицинского. Обучение для всех студентов начиналось с философского факультета, в силу особого места, занимаемого философией в системе наук [38] – она «приучает разум к твердому познанию истины» [39]. Изучавшиеся на этом отделении предметы: математика, физика, философия, экономика, история и так называемые «словесные науки» составляли общеобразовательный курс, обязательный для всех студентов. После окончания философского факультета выпускники либо продолжали специализироваться на одной из четырех его кафедр (физики, философии, истории, красноречия), либо переходили на «вышние» факультеты – юридический или медицинский [40].

Юридический факультет имел три кафедры: «всей юриспруденции», «юриспруденции Российской» и политики (то есть истории международных отношений и международного права). В содержание обучения на медицинском факультете входила не только медицина, но и химические, биологические, геологические науки, то есть весь цикл известных в то время естественно-научных дисциплин.

В Московском университете не было богословского факультета, так как, по предложению М. В. Ломоносова, попечение о богословии было передано Святейшему Синоду. Это зафиксировано и в уставе 1755 г. (§ 4). Однако уже по следующему университетскому уставу 1804 г. «догматическое и нравственное» богословие превращается в общеобязательный предмет, который преподавался во всех открытых к этому времени университетах вплоть до 1917 г.

По замыслу М. В. Ломоносова, руководство учебной деятельностью университета возлагалось на профессорскую конференцию, которая утверждала расписание занятий и программы лекционных курсов, выбирала учебники и пособия, пригодные для процесса обучения, решала все дела, связанные со студентами и учащимися университетских гимназий. Профессорская конференция

обладала также судебными полномочиями, так как, по предложениям кураторов и директора, она могла превращаться в университетский суд, налагая взыскания на провинившихся преподавателей [41].

Профессорскими кадрами университет был сначала небогат. Все дисциплины на юридическом факультете читал один человек, на медицинском, где имелись три кафедры (анатомии, натуральной истории и химии), тоже работал только один профессор. Исключение составлял лишь философский факультет, где точные науки сочетались с гуманитарными; для их изучения было задействовано шесть преподавателей. Большинство открытых кафедр пустовало. Направленные для преподавательской работы выпускники Академического университета были не в состоянии своими силами решить кадровую проблему. Приглашенные из Германии профессора не только не покрывали всех имеющихся вакансий, но и саботировали некоторые начинания М. В. Ломоносова (в частности, требование отказа от использования латыни как единственного языка приобщения студентов к науке), препятствуя тем самым превращению Московского университета в центр национальной науки и культуры [42].

Для того чтобы обеспечить учебный процесс необходимым количеством профессоров, М. В. Ломоносов предложил направлять за границу выдающихся выпускников Московского университета. Но получившие там ученую степень должны были подтвердить ее в Московском университете по возвращению домой. Ученая степень, присужденная в заграничном университете, закреплялась только за тем преподавателем, кому удавалось на родине успешно сдать экзамен. В документах Московского университета сохранилась информация о том, что даже блестящая защита диссертации за рубежом не гарантировала обладателю «заграничной» ученой степени быстрой и успешной карьеры в Московском университете. Так, юристам, защитившим диссертации в европейских университетах, в Москве требовалось подтвердить свою научную квалификацию, сдав экзамен по математике. Служебная волокита не позволяла им достичь профессорского звания раньше через шесть–пятнадцать лет работы в Московском университете. Как правило, отечественных ученых ценили значительно дешевле зарубежных, которых по-прежнему регулярно «выписывали» из Германии [43].

Лишь в 1791 г. Московскому университету было предоставлено право присуждать ученые сте-

пени. Пока же многим профессорам приходилось совмещать «кафедры», то есть читать предметы (например, словесность, философию, математику), которые по сегодняшним меркам кажутся несовместимыми [44]. Сам М. В. Ломоносов, вступивший на путь борьбы за демократизацию процесса преподавания, по-русски читал лекции по физике, химии и литературе [45].

Ситуация с преподавательским корпусом стала улучшаться только в начале 60-х гг. XVIII столетия, когда Московский университет сделал свой первый выпуск. Среди выпускников невозможно было увидеть представителей именитых дворянских фамилий: скудное жалованье преподавателей, отсутствие пенсий по старости [46], большая загруженность на работе (лекции читались каждый день, кроме выходных), препоны в продвижении по лестнице служебных должностей – были слишком унижительны для потомственного дворянства, поэтому по своему социальному составу преподаватели Московского университета были преимущественно разночинцами. Так, из двадцати шести профессоров, работавших в Московском университете в XVIII в., только три человека были дворянами, но при этом они не имели ни земли, ни крепостных, и по своему имущественному положению мало чем отличались от разночинцев [47].

Студенчеству Московского университета также был присущ весьма демократичный состав: большая часть учащихся принадлежала к малоимущему населению России. Это вызывало раздражение и негодование российского правительства, стремившегося превратить Московский университет в элитарное учебное заведение.

Для изменения социального состава студентов был издан ряд указов, предоставлявших дворянской молодежи, обучавшейся в Московском университете или в его гимназии, право на производство в чины наравне с дворянами, состоявшими на действительной военной службе. Приобретя возможность числиться в полках или коллегиях и получать чины за «выслугу лет», дворяне бойко стали записываться в университетскую гимназию, но в университет по-прежнему зачислялись неохотно, причем делали это незадолго до того срока, когда им нужно было приступать к несению службы. В результате, по мнению профессоров, они оставались глубокими невеждами, и только позорили *alma mater* своим пренебрежительным отношением к учебе [48].

«Юридический основатель» университета И. И. Шувалов предлагал поднять статус универси-

тетского образования жесткими административными мерами: только при его наличии студенты Академического и Московского университетов, а также выпускники Кадетского корпуса могли претендовать на занятие высоких государственных постов. Для юношей, получивших домашнее образование, И. И. Шувалов предусматривал обязательный экзамен по университетскому курсу [49]. Но эти его идеи получили воплощение только в начале XIX в.

Что касается изучаемого нами времени – середины XVIII в., то приходится констатировать факт неприглядности обучения в Московском университете для выходцев из дворянского сословия. Сохранившиеся ведомости Московского университета красноречиво свидетельствуют о том, что в середине 60-х гг. XVIII в. преобладающее большинство студентов принадлежало к разночинцам: детям мелкого чиновничества и духовенства, учителей, солдат. Так, в 1764 г. из сорока восьми студентов только восемь имели дворянское происхождение [50].

По «совету» Екатерины II при Московском университете в 1779 г. был открыт «Университетский благородный пансион», программа обучения в котором, сосредоточенная на овладении иностранными языками, привитии светских манер и дворянского стиля поведения, вскоре стала пользоваться популярностью у отпрысков высшего российского сословия. Забота императрицы об уменьшении студентов-разночинцев в университете проявилась и в издании указа, запрещающего прием в Московский университет семинаристов и предусматривавшего заполнение половины казенных мест детьми дворян. Но эти «казенные» студенты-дворяне, как это явствует из архивных документов, нередко не имели средств на покупку учебников, испытывали нужду в одежде и обуви, а также недостаток в продуктах питания [51].

Таким образом, говорить о кардинальных изменениях социального состава контингента студентов университета не приходится, хотя, как мы показали, недостатка в мерах, направленных на установление преград к проникновению «недостойных» учащихся в университет и университетскую гимназию, не было.

Наличие гимназии в структуре университета имело для его существования огромное значение. С 1759 г. она обеспечивала университет необходимым количеством слушателей, в то время как незадолго до этого, в 1755 г., первыми студентами оказались всего тридцать семинаристов, прибывшие, по требованию Синода, из девяти духовных

училищ [52]. Пятилетний юбилей Московского университета отмечали тридцать студентов и сто учеников гимназии [53], пятнадцатилетний – уже триста студентов и около тысячи гимназистов [54]. Гимназисты, с отличием завершавшие процесс обучения, зачислялись в университет без вступительных испытаний – по результатам выпускных экзаменов [55].

Увеличение числа универсантов и потенциальных студентов-гимназистов можно объяснить многочисленными привилегиями, щедро раздававшимися в качестве «приманок» учредившей Московский университет императорской властью: обещанием покровительства окончившим курс обучения при поступлении на службу, присоединением времени, затраченного на обучение в университете, в действительную службу, присвоением выпускникам ранга обер-офицера армии, содержанием известного числа студентов, снимавших «вольные квартиры» на государственные средства, учреждением разряда казеннокоштных студентов, проживавших в самом университете в специально предназначенных для этого комнатах [56].

В организации учебной деятельности студентов Московского университета получили распространение действенные, эффективные для того времени методы обучения. Этому способствовало наличие кабинетов и лабораторий, оснащенных приборами, инструментами, материалами, необходимыми для организации научной и учебной работы универсантов: физический и минералогический кабинеты, химическая лаборатория, анатомический театр [57]. Важное значение в процессе обучения имело начавшееся применение таких методов преподавания, как наблюдение, опыт, эксперимент. Это способствовало более прочному усвоению учебного материала и содействовало формированию у студентов навыков самостоятельной исследовательской работы. Студенты привлекались также к осуществлявшемуся преподавателями сбору материалов для словаря русского языка, к составлению учебных пособий, к переводу иностранной научной, учебной и художественной литературы, к сбору гербариев и коллекций раритетов. Университет готовил своих студентов и к преподавательской работе. С этой целью здесь регулярно, как это и определял устав, проводились диспуты между студентами. Объявления о диспутах и тезисы выступлений опубликовывались в первой московской газете – «Московских ведомостях» [58]. В Московском университете ежегодно вручалось восемь золотых и серебряных медалей, которыми удостаивали лучшие

студенческие работы, написанные на заданную тему в течение месяца [59].

М. В. Ломоносов и его ученики, преподававшие в Московском университете, приложили немало усилий к тому, чтобы процесс обучения осуществлялся на родном для студентов языке. Понимая, что чтение лекций на латинском и немецком языках, как это было принято в Европе и практиковалось в Академическом университете, мешает развитию национальной науки и препятствует распространению просвещения в России, М. В. Ломоносов и его соратники сами читали курсы на русском языке, чтобы поднять его престиж, создавали русскую научную терминологию, оставляя на латыни лишь общепринятые и труднопереводимые понятия, приступили к созданию учебников по русской грамматике и риторике [60]. При этом представители отечественной науки боролись не против латинского языка как такового, отчетливо осознавая, что без него в то время невозможно было следить за достижениями зарубежных ученых, участвовать в научных диспутах, приобрести известность в сообществе интеллектуалов. Важно было заставить профессоров Московского университета, особенно иностранцев, противопоставлявших русский язык латыни, признать целесообразность использования национального языка при осуществлении учебного процесса в национальном университете России.

60-е гг. XVIII в. были ознаменованы настоящими схватками учеников и последователей М. В. Ломоносова с профессорами-иностранцами, которые, прибегая к поддержке университетской администрации, саботировали саму идею использования русского языка в учебном процессе. Конфликт был разрешен только в начале 70-х гг. принятием решения об употреблении русского языка для чтения лекций по всем предметам [61]. В университетской типографии, открытой известным русским просветителем, мыслителем, писателем, педагогом Н. И. Новиковым, вскоре стала издаваться печатная продукция, облегчавшая процесс усвоения учебного материала: учебники по дисциплинам естественно-научного, физико-математического, гуманитарного циклов, а также справочная, научная литература, исторические документы.

Кроме работы по созданию своих учебных пособий и подготовке оригинальных учебников, профессора Московского университета осуществляли переводы зарубежных научных руководств и популярных трудов, к примеру, книги чешского педагога Яна Амоса Коменского «Мир чувствительных

вещей в картинках» или сочинения английского философа и педагога Дж. Локка «О воспитании детей». Обобщая передовые педагогические принципы и методические приемы своего времени, профессора Московского университета составили одну из первых книг по методике преподавания – «Способ учения». Авторы пособия выступали против механического заучивания учебного материала, давали советы, направленные на осознанное восприятие студентами правил и выводов.

Большое значение придавалось и воспитательной работе. В Московском университете впервые в России были запрещены телесные наказания для студентов и гимназистов старших классов. В XVIII в., когда школа без розг не воспринималась как учебное заведение, в Московском университете запрещалось унижать достоинство личности бранными словами, «бить по голове, спине, в грудь руками или какими-нибудь инструментами» [62]. Лишь в самых исключительных случаях, причем только с разрешения инспектора и при извещении о готовящейся экзекуции родителей провинившегося, разрешались и порка, и карцер. За недостойное поведение студентов могли посадить на хлеб и воду, облачить в крестьянское платье, лишить содержания на месяц [63]. М. В. Ломоносов считал более эффективными средствами воспитания увещевания, назидательные примеры, и в своем «Регламенте», адресованном университетской гимназии, советовал преподавателям воздерживаться от излишней строгости и пристрастного отношения к учащимся [64].

За первые полвека своего существования Московский университет превратился в один из крупнейших в России центров науки и просвещения. Здесь с 1756 г. работала созданная при помощи Академии наук публичная и общедоступная библиотека, издавались единственная московская газета «Московские ведомости» и первые в России литературно-художественные журналы; здесь появились первые гуманитарные и естественно-научные организации: «Вольное российское собрание» – научное общество, сыгравшее важную роль в развитии русской филологии, «Общество истории и древностей российских», занимавшееся публикацией источников по древней истории России, «Общество испытателей природы», изучавшее природные богатства России, и др. В 1781 г. на базе Московского университета был создан студенческий научно-просветительский кружок «Собрание российских питомцев», популяризовавший русский язык и литературу [65].

Хотя учебную и научную работу профессоров Московского университета сдерживали бюрократический произвол, убогий бюджет – 10–15 тысяч рублей в год [66], уже первые десятилетия его существования дали импульс развитию русской культуры. Изданием учебников, научной и художественной литературы, системой публичных лекций и диспутов, общедоступностью своей библиотеки, подготовкой национальных кадров Московский университет активно содействовал развитию просвещения в России. Помимо этого, университет вел большую работу по налаживанию в стране среднего образования, используя в этом направлении своей деятельности опыт, приобретенный в университетской гимназии – первой в России крупной общеобразовательной светской средней школе. Успешные результаты ее работы, в свою очередь, позволили Московскому университету открыть свой филиал – гимназию в Казани, обеспечивая ее и материальными средствами, и кадрами преподавателей. Московский университет принимал активное участие в подготовительной организационной работе, направленной на открытие гимназий в центральных областях России, в том числе и в Ярославской губернии. Воспитанники университета составили значительную часть преподавателей гимназий в конце XVIII – начале XIX в. [67].

К началу нового столетия Московский университет стал превращаться в крупнейший национальный центр науки, культурно-исторического развития России, просвещенческой деятельности. Из недр университета вышла плеяда талантливых выпускников: Г. А. Потёмкин, Д. А. Фонвизин, В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин, Н. И. Новиков и другие, которые стали истинными творцами национальной истории и русского культурного наследия на рубеже XVIII–XIX вв.

В своих основных чертах Московский университет оставался «неприкосновенным» до вступления на престол Александра I, даровавшего ему и вновь учрежденным университетам в Харькове и Казани новое устройство, в силу которого все университеты вошли в общую систему народного просвещения Российской империи. Устав 12(25) января 1755 г. вплоть до александровской эпохи оставался законом, регулировавшим университетскую жизнь, а дата основания Московский университета – 12(25 января), открывавшая новую эру в истории российского образования, была освящена покровительством Святой Татьяны и на все последующие времена стала праздничным

днем для преподавателей и студентов высших учебных заведений.

Примечания

1. См. например: Развитие теоретико-методологических основ исторической науки и исторического образования в России в конце XIX – начале XX в. : коллективная монография / под науч. ред. д-ра ист. наук, проф. М. В. Новикова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – 440 с.
2. Высшее образование в России: Очерки истории до 1917 года / под ред. В. Г. Кинелёва. – М., 1995. – С. 46.
3. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. – СПб., 1902. – С. 6.
4. Из Указа (Именного) 1724, января 28 дня «Об учреждении Академии...» // Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. VII. – № 4443. – С. 220–224. – § 13.
5. Там же. – § 1. Далее в скобках ссылки сделаны на это же издание.
6. Высшее образование в России. – С. 48.
7. Там же. – С. 49.
8. Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII – начале XIX в. – Л., 1988. – С. 70–74.
9. Высшее образование в России. – С. 50.
10. Там же. – С. 53.
11. История Московского университета: в 2 т. / под ред. М. Н. Тихомирова. – М., 1955. – Т. 1. – С. 15.
12. По градостроительному замыслу Петра I, оплот государственной науки и знаний предполагалось соединить также с научно-естественным музеем и библиотекой Кунсткамеры, включив их в единый ансамбль символов государственной мощи «всёя Руси» (Сенат, Синод, коллегии и другие) и поместить их в одном месте – на Васильевском острове. Этот факт свидетельствует о том, какое место в истории и культуре Российской империи Пётр I отводил Академии и Академическому университету. См.: Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Указ соч. – С. 219, 220.
13. Рождественский С. В. Указ. соч. – С. 7.
14. И. И. Шувалов старательно скрывал участие М. В. Ломоносова в создании Московского университета. Однако этот факт подтверждается как перепиской М. В. Ломоносова с И. И. Шуваловым, так и воспоминаниями современников, например, И. Ф. Тимковского. См.: История Московского университета. – С. 18–20.
15. 1755 Генваря 12 Высочайше утвержденный проэкт об учреждении Московского университета. Доклад // Соловьёв И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Выпуск первый: Университеты до эпохи шестидесятых годов. – СПб., 1914. – С. 17, 18.
16. Шевырёв С. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и

- педагогии С. Шевырёвым. 1755–1855. – М., 1855. – С. 18.
17. Ляхович Е. С., Рёвушкин А. С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. – Томск., 1998. – С. 19.
18. Там же. – С. 20, 21.
19. Там же. – С. 77.
20. Из Указа (Именного) 1724, января 28 дня «Об учреждении Академии...» Преамбула.
21. Там же. – § 1.
22. Там же.
23. Ляхович Е. С., Рёвушкин А. С. Указ. соч. – С. 97.
24. Рождественский С. В. Указ. соч. – С. 8.
25. Глинский Б. Б. Университетские уставы (1755–1884 гг.) // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. – Т. LXXIX. – СПб., 1900. – № 1. – С. 327, 332.
26. Глинский Б. Б. Указ. соч. – С. 329.
27. Там же. – С. 328.
28. История Московского университета. – С. 17.
29. 1755 Генваря 12 Высочайше утвержденный проэкт об утверждении Московского университета. Проэкт // Соловьёв И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. – Выпускник первый: Университеты до эпохи шестидесятых годов. – СПб., 1914. – С. 18–22. Далее в скобках ссылки сделаны на это издание.
30. Соловьёв И. М. Российские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Выпуск первый: Университеты до эпохи шестидесятых годов. – СПб., 1914. – С. 6.
31. В проекте создания университета и в других официальных документах того времени говорится о двух гимназиях, но фактически по учебному плану и управлению гимназия была одна, хотя, по требованию И. И. Шувалова, дворяне и разночинцы занимались отдельно и соединялись лишь в последнем, так называемом «ректоровском» классе, где гимназистов подготавливали к переходу в университет. См.: История Московского университета. – С. 30, 31.
32. Глинский Б. Б. Указ. соч. – С. 329.
33. Глинский Б. Б. Указ. соч. – С. 328.
34. История Московского университета. – С. 32.
35. Шевырёв С. Указ. соч. – С. 16.
36. История Московского университета. – С. 32.
37. Там же. – С. 20.
38. Этот факт представляет большой интерес при изучении генезиса высшего образования. По нашему мнению, древнейшие формы высшего образования в виде прауниверситетов и генетически исходных форм высшего профессионального образования возникли в Римской империи. Высшее образование в Римской империи было представлено школами общекультурной (риторической, философской) и специальной (юридической, медицинской) направленности. Риторика, укорененная во множестве «благородных» наук, занимала место доминирующей дисциплины в общекультурной подготовке студентов высших школ. Ведущая роль гуманитарных дисциплин в структуре научного знания определила своеобразие получения медицинского образования, которое было тесно связано с философией и риторикой, и процесс подготовки судебных ораторов, осуществлявших адвокатскую деятельность. Гуманитарная основа университетского образования была заимствована из Римской империи организаторами средневековых университетов и, как мы видим, спустя столетия была внедрена в России. См. об этом: Перфилова Т. Б. Высшее образование в Римской империи (культурологический аспект): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2004.
39. Шевырёв С. Указ. соч. – С. 18.
40. По мнению авторов «Истории Московского университета», обучение на философском факультете длилось три года, а на «вышних» факультетах продолжались еще четыре года. См.: История Московского университета. – С. 32. Однако ни в каких других научных публикациях и тем более в источниках мы не встречали информации о том, что полный курс обучения в Московском университете растягивался на семь лет.
41. Шевырёв С. Указ. соч. – С. 12.
42. Высшее образование в России. – С. 61; История Московского университета. – С. 24, 25.
43. История Московского университета. – С. 40, 41.
44. Высшее образование в России. – С. 61.
45. История Московского университета. – С. 34.
46. Высшее образование в России. – С. 62.
47. История Московского университета. – С. 40.
48. Там же. – С. 38.
49. Высшее образование в России. – С. 60, 61.
50. История Московского университета. – С. 38.
51. История Московского университета. – С. 38.
52. Там же. – С. 24.
53. Высшее образование в России. – С. 60.
54. Высшее образование в России. – С. 61; История Московского университета. – С. 30.
55. Шевырёв С. Указ. соч. – С. 15.
56. Университетский устав 1863 года. – СПб., 1863. – С. 59.
57. История Московского университета. – С. 22.
58. Там же. – С. 36.
59. Шевырёв С. Указ. соч. – С. 14.
60. История Московского университета. – С. 34.
61. Там же. – С. 35.
62. История Московского университета. – С. 36.
63. Высшее образование в России. – С. 61.
64. История Московского университета. – С. 36.
65. История Московского университета. – С. 60–66; Высшее образование в России. – С. 63, 64.
66. 1755 Генваря 12 Высочайше утвержденный проэкт... § 1.
67. История Московского университета. – С. 66, 67.